

Хьюэлл ПРОТИВ КОНТА, ИЛИ ВОЗМОЖНА ЛИ КОММУНИКАЦИЯ МЕЖДУ АПРИОРИЗМОМ И ПОЗИТИВИЗМОМ?*

Антоновский Александр Юрьевич – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, доцент.
Институт философии РАН.
Российская Федерация,
109240, г. Москва,
ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Российская Федерация, 119991,
г. Москва, Ленинские горы, 1;
e-mail: antonovski@hotmail.com

Бараш Раиса Эдуардовна – кандидат политических наук, старший научный сотрудник.
Институт социологии РАН.
Российская Федерация,
117218, г. Москва,
ул. Кржижановского,
д. 24/35, к. 5;
e-mail: raisabarash@gmail.com

В статье представлено введение к работе У. Хьюэлл «Конт и позитивизм». Авторы полагают, что идеи Конта рассматриваются в этом эссе лишь как предлог и повод, чтобы заявить общий протест против набирающей силу в научной и общественной жизни критической установки, как в отношении к эволюции природы и науки, так и в развитии общественного устройства. Эту работу можно назвать последним манифестом так называемой «староевропейской семантики» с ее доктриной «истинностного перфекционизма», предполагающего достижение того состояния развития науки, в котором основные истины будут сформулированы навечно.

Ключевые слова: Уильям Хьюэлл, Огюст Конт, априоризм, позитивизм, социальная эпистемология, социальная философия науки, коммуникация

WHEWELL VS COMTE: IS 'APRIORISM – POSITIVISM' COMMUNICATION POSSIBLE?

Alexander Yu. Antonovskiy – DSc in Philosophy, leading research fellow, associate professor.
Institute of Philosophy,
Russian Academy of Sciences.
12/1 Goncharnaya St.,
Moscow, 109240, Russian Federation;
Lomonosov Moscow State University. 1 Leninskie Gory,
119991, Moscow, Russian Federation;

This paper is an introduction to "Auguste Comte and the Positivism" by William Whewell. The author claim that the Comte's ideas were considered in Whewell's essay only as an excuse to declare general protest against critical attitude in its relation to scientific and social life, and also both to the evolution of nature and science, and to the development of the social order. This work could be considered as the last manifesto of the so-called "old European semantics" with the doctrine of "truth perfectionism", which presumes an achievement of final stage of scientific development and an approval of ultimate scientific truths.

Keywords: William Whewell, Auguste Comte, apriorism, positivism, social epistemology, social philosophy of science, communication

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 17-03-00812, "Рождение философии науки. Уильям Хьюэлл, круг общения и следствия для 20 века", а также проект № № 17-03-00733 "Системно-коммуникативный подход Н. Лумана в приложении к Российскому обществу".

e-mail: antonovski@
hotmail.com

Raisa E. Barash – PhD in
Political Science, senior
research fellow.
Institute of Sociology, Russian
Academy of Sciences. 24/35
Krzhizhanovsky St., 117218,
Moscow, Russian Federation;
e-mail: raisabarash@
gmail.com

Журнал «Эпистемология и философия науки» продолжает публикацию наследия У. Хьюэлла. Предлагаем перевод его работы «Конт и позитивизм», опубликованной в год смерти философа и так и не получившей окончательной авторской редакции. В этом небольшом эссе Хьюэлл представил несколько, с нашей точки зрения, не всегда справедливых критических инвектив, резкость которых очевидно выходит за пределы рамок научной полемики. В этом эссе, как нам представляется, требуют объяснения не только предметные основания полемики. Столь эмоциональные эскапады, возможно, провоцируются и общими жизненно-мировыми и, не в последнюю очередь, мировоззренческими и религиозными разногласиями. На одной стороне дискуссии – истинно французские «необузданность» (словами Хьюэлла) и радикализм, на другой – педантичность и консерватизм британского профессора «философии морали» викторианской эпохи. Эта полемика представляет нам замечательный случай комплексной научной и философской дискуссии, где социально обусловленные факторы выступают не только как препятствия, идеологически искажающие предметный научный дискурс, но также и в функции триггера истинных и предметно-обоснованных аргументов и положений дел.

Начнем по порядку рассматривать аргументацию Хьюэлла. Первое обвинение Конту – в необузданности характера и ограниченности – можно было бы оставить без внимания и списать на незрелость коммуникативных практик и «научного этоса» первой половины XX в. И все-таки, почему же Хьюэлл все-таки принял решение «стрелять из пушек по воробьям» и, кроме того, добрую половину статьи посвящает детальному описанию личности Конта? Думается, что в качестве рабочих объяснений можно предположить, что Хьюэлл учитывает не столько научную ценность позитивистского подхода, сколько его социальный контекст и потенциально-революционное значение. В этом смысле Хьюэлл, конечно, дискутирует не столько с Контом, сколько с теми возможностями, которые предоставляет позитивистская картина мира, отрицающая *априори* любого рода, касаются ли они науки или общественного устройства.

Что касается предъявляемого Конту упрека в отрицании общих «понятий, причин, теорий», то здесь Хьюэлл откровенно подменяет тезис. Все-таки эмпиризм Конта не доходит до таких крайностей, а скорее, расширяет ньютоновский тезис *hypotheses non fingo*. Этот тезис порывает со схоластическим аристотелизмом «естественных мест» и «финальных причин» как бесплодных в научном отношении гипотез и, очевидно, не несет никакой угрозы общим понятиям, законам и (нефинальным) причинам. Если же, вслед за Хьюэллом, понимать контовский позитивизм исключительно как описательную фактологию, то такой науки (исходя из тезиса Хьюэлла-Дюгема-Куайна) действительно не может быть. Но как тогда рассматривать поддержку Контом «эмиссионной теории» и его отклонение волновой теории света, если он, по мнению Хьюэлла, вообще не принимает теоретической формы научного знания?

Продолжая дискуссию с Контом (и неявно с Юмом) и обосновывая важность поиска «причин» явлений, Хьюэлл выдвигает тезис тождества *причин и законов*: «Мы можем надеяться открыть те самые общие законы... Но ...почему мы не можем назвать их *причинами*?» – пишет Хьюэлл в своем эссе. Так, обращаясь к геологии, он указывает на ряд феноменов («огонь, катастрофы, вода, постепенные изменения»), которые, с одной стороны, как бы маркируют воспроизводимые каузальные связи, т. е. законы, с другой – являются причинами соответствующих процессов – геологических напластований.

Почему же Хьюэлл отождествляет причину и закон? Думается, не только для того, чтобы «спасти» причины от мнимых угроз со стороны позитивизма Конта, который, напомним, под причинами понимал вовсе не законы, а «гипотезы» в смысле Ньютона – некие *скрытые механизмы*, лежащие в основании закона тяготения. И в отношении этих скрытых механизмов Хьюэлл, безусловно, выглядит актуальнее Конта. Современная наука и философия науки не запрещает себе такого рода гипотез [Harré, 1970, p. 116–125]. Возможно, – странное для нас – отождествление причин (т. е. конкретных событий, фактов) и общих законов восходит к его ключевой методологической установке: *относительности и контекстуальной определенности различий между фактами и теориями, во многом предвосхитившей тезис Дюгема-Куайна*¹. Согласно этой установ-

¹ Факты и теория выступают у Хьюэлла сторонами или аспектами единого феномена, где факт есть неререфлексивное использование теоретических принципов, обеспечивающих единство чувственных данных. То, что год состоит из 365 дней, является фактом, но его констатация предполагает неререфлексивное использование теоретических переменных – «идей» времени, пространства, рекурсивности, коннективности и т. д. Если же мы меняем глубину четкости наблюдения, в фокус последнего попадают и сами эти идеи, интегрирующие факты и концепты (идеи) в некоторое единство.

ке, основанной на кантовском априоризме, «идеи», «теории», «концепты» (и прежде всего, *пространство, время, причинность* и т. д.) понимаются Хьюэллом как предпосылаемые опыту рациональные принципы, имеющие своей функцией связывание фактов. И соответственно не могут проистекать из ощущений, а служат условием возможности понимания этого опыта. Поэтому Хьюэлл и отказывает в существовании «чистому факту», хотя при этом де-факто признает, что не существует каких-то *объективных* различий между фактом и теорией. (Так, например, законы Кеплера, согласно Хьюэллу, в теории Ньютона представляют собой, скорее, факты.) И это, конечно, существенно подрывает его априоризм, вводя существенный конструктивистский элемент в его подход.

Требуем разъяснения и социально-эпистемологические основания *третьей* претензии к Конту – его чрезмерной щепетильности в отношении понятийной строгости. Зачем – спрашивает Хьюэлл – без достаточных на то оснований отказываться от работоспособных и универсально-утвердившихся понятий, пусть даже и утративших свой референт, но не свою функцию *априорного связывания данных опыта*. Так, теория и понятие «флогистона» в том, что касается идеи связи *горения, окисления и дыхания*, должны быть сохранены как некая вечная истина². И здесь трудно не зафиксировать общую социально-консервативную установку Хьюэлла, готового сохранять функционирующие институты, – даже и вопреки признанию истинности конкурирующей позиции (теории Лавуазье), – если они продолжают выполнять свои – связывающие опыт – функции.

И все-таки критика позитивистского тезиса и защита «метафизических понятий» проведена Хьюэллом, мягко говоря, своеобразно. Ведь она предполагает отказ и ненужность провозглашаемой Контом редукции научных терминов к ясным и отчетливым понятиям. Предположим, что и эта осторожность Хьюэлла объясняется его априористской доктриной, в соответствии с которой ряд метафизических концептов (*пространство, время, причинность* и т. д.) в известном смысле уже давно утвердились и прояснены (скажем, в функции *средства научного познания* или в теоретической рефлексии Канта), а значит – не требуют дальнейшей работы над ними.

Четвертый аргумент Хьюэлла апеллирует непосредственно к истории науки. И здесь, казалось бы, авторитет Хьюэлла поистине незыблем. Не существует науки, утверждает Хьюэлл, в которой позитивный этап сменяет этап метафизический, где «открытие законов

² «То, что горение, независимо от того, является ли оно химическим соединением или химическим разделением, имеет ту же природу, что и окисление, было признано Бехером и Шталем и вскоре было обосновано в качестве истины, которая должна войти в каждую успешную физическую теорию» [Хьюэлл, 2016, с. 31].

явлений... осуществлялось бы независимо от обсуждения идей, которые должны быть названы *метафизическими*. ...Открытия Кеплера были бы невозможны без его метафизических понятий³».

Проблема лишь в том, что Конт и не думает спорить с этим аргументом, но, собственно, вторит Хьюэллу в том, что все науки и до сих пор частично остаются «под опекой теологии и метафизики», и эта опека давала *новым* наукам (биологии и социологии) определенные «гарантии»⁴ в конкуренции с утвердившимися ранее дисциплинами. Мысли Хьюэлла и Конта удивительно конгениальны: метафизика «помогает» наукам в их становлении (дает «временные объяснения» у Хьюэлла и «гарантии» Конта).

В сущности – освобожденная от терминологической наукообразности – мысль Конта проста: наука начинается со слабо фундированных фантастических представлений и не сразу формирует теоретико-методологические процедуры удостоверения знания. И биология, и особенно социология как раз и есть такие науки, которые позже других пришли к этой последней стадии, и поэтому нуждаются в метафизической поддержке в конкурентной борьбе.

В этом контексте – несколько неожиданно и вопреки всему пафосу априорного обоснования необходимости знания – Хьюэлл обращается к метафизике как некому резервуару «временных» понятий, призванных затыкать «дырки» в теориях⁵. В устах Хьюэлла это предстает как весьма удивительное утверждение, несовместимое с его априоризмом, согласно которому все достигнутые истины должны сохраниться навсегда. Под этим «утверждением временности», может быть, с оговорками, подписался бы и Поппер.

Впрочем, в своем утверждении того, что реальная история наук вовсе не соответствует строгому членению на три контовских этапа, Хьюэлл все-таки не всегда справедлив. В своем «энциклопеди-

³ Напомним, что Кеплер разделял пифагорейскую картину мира, согласно которой все отношения между движениями и позициями небесных тел должны быть выведены из единой формулы, которую он, в конце концов, и формулирует, связывая отношения квадратов периодов движения любых двух планет с отношениями кубов больших полуосей их орбит.

⁴ «если ...положительный метод вынужден был, таким образом, постепенно распространяться от низших знаний к высшим, то последние неизбежно подверглись победному натиску первых, против влияния которых их необходимая самобытность не находила сначала другой гарантии, кроме бесконечного продолжения теолого-метафизической опеки» [Конт, 2011, с. 76]. Метафизика, по Конту, защищала новое и более комплексное «самобытное» (читай – эмерджентное) знание (биологическое и социологическое) в его борьбе с «редукционизмом к низшему».

⁵ «Кто (кроме метафизики. – *Примеч. авт.*) поможет нам... хотя бы временно приемлемому пониманию атомного строения тел и объяснит, почему при любой схеме атомного строения мы неизменно приходим к противоречию, связанному с *полу-атомами*, и как этого избежать?», – пишет Хьюэлл в своем эссе о Конте.

ческом законе» развития наук Конт не утверждает какой-то жесткой строгости этапов, где «метафизическая опека» сопровождает науки до последних дней. Речь, скорее, ведется о неких «идеальных типах» наук, реальная история которых, конечно, не всегда соответствует абстрактной логике их развития. Впрочем, и сам Хьюэлл формулирует собственный «закон трех стадий» развития науки, в котором в чем-то даже дает похожую трехэтапную схему развития наук.

Какое мы можем дать объяснение этому событию научной коммуникации? Можно ли социоэпистемологически объяснить столь резкий полемический настрой при значительном сходстве подходов и явном гипертрофировании разногласий? Здесь, на наш взгляд, следует принимать во внимание всю многомерность коммуникативного акта научной полемики и учитывать – в дополнение к предметному – также временное и социальное измерения научной коммуникации. В этом смысле речь может идти не столько в утверждении своей концепции развития научного знания, сколько о защите временного приоритета в формулировании открытия законов научной истории (временное измерение научной коммуникации). И, **безусловно, эта полемика выражает во многом непримиримые социальные противоречия между консерватором и глубоко религиозным человеком, каковым являлся Хьюэлл, и радикалом и фактическим атеистом Контом (социальное измерение научной коммуникации).** В результате контroversы представляются более глубокими, чем они есть на самом деле. Такие «социальные» различия затем сказываются и в сфере предметных дискуссий. И **особое место в дискуссии Конта и Хьюэлла занимает вопрос роли в науке «конечных причин».**

В вопросе объяснения явлений органического мира Хьюэлл придерживается кантовского представления о целесообразном строении организмов как принципа научного объяснения их развития. Так, «наиболее выдающиеся физиологи, – пишет Хьюэлл в своем эссе, – во все времена провозглашали, что на каждом шагу они открывают свидетельства предназначения», «глаз был создан для зрения, указывая на то, что оптическая регулировка глаза опровергает учение о том, будто он возник сам собой». Но если Кант все-таки придерживался, скорее, материалистических позиций, и его знаменитая *Zweckmaesigkeit ohne Zweck* имела для него эвристическую функцию, то телеологизм Хьюэлла, конечно, проистекает из его убежденности в факте божественных предустановлений. И с **высоты современных достижений синтетической теории эволюции, конечно, несколько комично звучит издевательский тон Хьюэлла в отношении позиции дарвинизма, разделяемого Контом.**

Читая Хьюэлла, трудно избавиться от впечатления, что идеи Конта рассматриваются в этом эссе лишь как предлог и повод, чтобы заявить общий протест против набирающей силу в научной и обще-

ственной жизни критической установки, как в отношении к эволюции природы и науки (Маркс, Спенсер, Дарвин и т. д.), так и в развитии общественного устройства. Эту работу можно назвать последним манифестом так называемой «староевропейской семантики» с ее доктриной «истинностного перфекционизма», предполагающего достижение состояния развития науки, в котором основные истины будут сформулированы навечно [Луман, 2016].

Но как это совместимо с общим пафосом работ Хьюэлл – скрупулезного исследователя текущих научных контроверз и дискуссий? В дискуссии с Контом, как нам кажется, значение социального измерения (жизненно-мировая установка викторианской эпохи в Англии с ее резким неприятием революционной духа Франции) все-таки перевесила предметное измерение научной коммуникации. Этот консерватизм получает и философско-научное обоснование, подразумевающее сохранение и *консервацию* «работающих институтов» и «научных концептов», если они обеспечивают интеграционную функцию вопреки критике и даже наличию иных эффективных решений.

Список литературы

- Конт, 2011 – *Конт О.* О Духе позитивной философии. М.: Либроком, 2011. 276 с.
- Луман, 2016 – *Луман Н.* Истина, знание, наука как система. М.: Логос, 2016. 408 с.
- Хьюэлл, 2016 – *Хьюэлл У.* Философия индуктивных наук, основанная на их истории. М.: Кнорус, 2016. 500 с.
- Harré, 1970 – *Harré R.* The Principles of Scientific Thinking. L.: Macmillan, 1970. 334 p.

References

- Comte, A. *O dukhe pozitivnoi filosofii [Cours de philosophie positive]*. Moscow: Librokom, 2011. 276 pp. (In Russian)
- Harré, R. *The Principles of Scientific Thinking*. London: Macmillan, 1970. 334 pp.
- Luhmann, N. *Istina, znanie, nauka kak sistema [Truth, knowledge, science as a system]*. Moscow: Logos, 2016. 408 pp. (In Russian)
- Whewell, W. *Filosofiya induktivnykh nauk, osnovannaya na ikh istorii [The philosophy of inductive sciences, founded upon their history]*. Moscow: Knorus, 2016. 500 pp. (In Russian)